

Наконец, поддавшись настойчивым попыткам Великой старшей принцессы заговорить с ним, Мо Цюцзюнь смягчился и впервые удостоил её ответа:

— Того, кто меня ранил, я воздам сторицей!

У Чай Цзыжаня по спине пробежали мурашки. Он сложил руки в почтительном поклоне и попрощался:

— В доме моём ждёт престарелая матушка. Позвольте мне, недостойному сыну, сначала испросить у неё прощения, а затем вернуться для принятия кары.

Мо Цюцзюнь схватил Чай Цзыжаня за шиворот, притянул к себе, вплотную к своей груди, и оскалился. Леденистая хмурость с его лица спала, и теперь он походил на беззаботного юнца:

— Твою матушку приглядят её дети. Не твоя забота.

Чай Цзыжань готов был тут же на колени рухнуть:

— Герой, пощади! Я всего лишь бешеная собака, не стоит на меня внимание обращать.

Мо Цюцзюнь провёл грубой, в мозолях, правой ладонью по его щеке:

— И собака, провинившись, должна быть наказана.

Чай Цзыжань пискнул:

— Мы же... мы же с детства дружим.

Лучше бы он этого не говорил. Лицо Мо Цюцзюня мгновенно почернело, как подошва. Он вздёрнул Чай Цзыжаня за воротник и потащил к персиковому дереву, что цвело нынче особенно пышно.

— Вспомнил? — спросил он.

Не так давно Мо Цюцзюнь уже подвешивал его вниз головой под этим деревом и задавал тот же вопрос. Но Чай Цзыжань несколько лет не бывал в резиденции Великой старшей принцессы — что он мог помнить?

Мо Цюцзюнь, видя его растерянность, почувствовал, как в груди закипает безымянный гнев:

— Выбирай: либо ты кусаешь меня раз, а я тебя — сто, либо называешь, кто тебя покалечил, и я за тебя отомщу.

Чай Цзыжань весь затрясся. Глядя на Мо Цюцзюня, пылавшего от ярости, он было собрался выпалить второй вариант, но мозг вовремя вступил в дело. У Мо Цюцзюня отродясь не было доброго сердца — он до сих пор помнил, как в детстве у него леденец стащили. Если сейчас за укус он не воздаст сторицей, то, пожалуй, Чай Цзыжаню придётся фамилию менять.

Ради сохранности кожи Чай Цзыжань изрёк:

— Выбираю первое.

Мо Цюцзюнь фыркнул — словно только этого и ждал. Тут же стащил с него красный шёлковый халат с плеча и, невзирая на то, что вокруг люди, впился зубами в его гладкую кожу.

Это было куда зверское, чем грызть собачью кость, — словно он вырывал кусок волчьего сердца.

— Ай! Ай! А-а-а-а-а! — Если бы Мо Цзюцзюнь не придерживал его левой рукой, Чай Цзыжань рухнул бы на землю и закатился в корчах. Боль была адской.

Мо Цзюцзюнь кусал его ещё некоторое время, пока во рту не наполнился вкус крови. Тогда он разжал челюсти, обнажив зубы, окрашенные в багровый цвет, и усмехнулся. Тонкая струйка алой жидкости, ему не принадлежавшей, выступила в уголке рта.

— Осталось девяносто девять, — бесстрастно изрёк он. — Давай быстрее, закончим — и переведем.

Чай Цзыжань, распластавшись на земле, обнажил белое плечо, на котором отчётливо проступил ряд глубоких зубов, сочащихся кровью. Услышав это, он чуть не отдал концы и, с ненавистью уставившись на ледяное лицо Мо Цзюцзюня, прохрипел:

— Ты хоть человек?

— На кой черт Живому Яму человечность?

Бесстыдство — это искусство, и Чай Цзыжань почитал себя в нём мастером. Однако выяснилось, что в столице водится тот, кто и сильнее его, и влиятельнее, и бесстыднее. Оставалось только сказать:

— Выбираю второе.

Мо Цзюцзюнь, как и ожидалось, усмехнулся и поднял его с земли:

— Вот и славно. Чего же сразу не сказал?

По спине Чай Цзыжаня пробежал холодок. С плачем воскликнул он:

— Герой, пощади! Герой, пощади!

Мо Цзюцзюнь остался непреклонен и потащил его прочь. Сзади раздался голос Великой старшей принцессы:

— Ацзюнь! Вы куда?

Мо Цзюцзюнь ответил матери лишь холодным спиной. Чай Цзыжань, едва глянув на него, проворчал:

— Братец, это же родная мать, мог бы и слово бросить. Хоть что-нибудь вроде: «С друзьями на пирушку, ужинать не жди». А то как-то невежливо.

Мо Цзюцзюнь холодно на него взглянул, словно вспомнив что-то неприятное:

— Заткнись.

Чай Цзыжань послушно заткнулся, но не прошло и полминуты, как он уже заговорил вкрадчивым тоном:

— Братец, а не мог бы ты меня на землю опустить? Ты меня так тащишь — тебе, может, и

легко, а мне-то тяжело.

Ноги его болтались в воздухе, воротник впивался в шею, а роскошный красный наряд стягивал тело.

Мо Цзюцзюнь промолчал.

Чай Цзыжань вздохнул и потер нос. С молодых ногтей этот парень был букой, думал, с годами исправится. Ан нет — бука превратилась в ледышку, и общаться стало ещё труднее. К счастью, Мо Цзюцзюнь выпустил его, едва они покинули резиденцию Великой старшей принцессы. Хотя лицо его не потеплело, но голос уже не звучал так леденяще:

— Кто первый?

Чай Цзыжань хитро приподнял бровь:

— Жун Лин!

Выходить в свет в окружении свиты, будто луну в звёздном венце, — такого Чай Цзыжань не видывал давно. Он покосился на Мо Цзюцзюня, чьё лицо было холодным и непроницаемым, как лёд, затем с ухмылкой обернулся к приставленным к нему телохранителям — Суй Фэну и Суй Иню — и вдруг замер на месте. Стража, следовавшая за ним, тоже остановилась, чеканя шаг. Лица у всех были столь же бесстрастными, как у их господина.

Мо Цзюцзюнь, не поворачивая головы, бросил слова, что чётко долетели до ушей Чай Цзыжаня:

— Не пытайся увливать и морочить голову.

Чай Цзыжань сделал несколько шагов вперёд. Стража в стальных доспехах, гремя, двинулась за ним. Лязг железа заставил его сердце учащённо забиться. Он поспешил за Мо Цзюцзюнем и с недоумением спросил:

— Если ты собрался за меня заступиться, с чего бы мне увливать?

Мо Цзюцзюнь вновь не удостоил его ответа. Он неспешной поступью вошёл в трактир «Дымка и дождь», прошёл через обширный зал, не обращая внимания по сторонам. Чай Цзыжань же оглядел трапезничающих: те, завидев «Живого Яму» и «Пса Чай» вместе, переглядывались в недоумении. С безмятежной улыбкой он последовал за Мо Цзюцзюнем, ломая голову, что тот задумал.

Трактир «Дымка и дождь» был устроен с изяществом: мостики, ручьи, всё изысканно. Чай Цзыжань не успел как следует разглядеть парящий в воздухе призрачный радужный мост, как Мо Цзюцзюнь вновь вздёнул его за воротник и потащил через весь сад к открытой со всех сторон беседке. На слух — журчание ручья, на запах — лёгкий аромат орхидей. Однако, присмотревшись, Чай Цзыжань увидел лишь несколько цветущих у беседки персиковых деревьев, живописных, как в стихах. Всё остальное было зеленью да изяществом — ни ручья, ни орхидей вблизи не наблюдалось.

Чай Цзыжань разлёгся на резной белой скамье у перил беседки, упёрся спиной в каменную колонну, заложил руки за голову и наслаждался ласковым весенним ветерком, что ласкал его щёки.

— Местечко так себе, чтобы прозябать да жиреть, — заключил он. Затем повернулся к Мо Цзюцзюню, который восседал с видом истинного аристократа. — Такое славное место — и превратил в трактир? Самому жить — разве не лучше?

Не ожидая ответа, он его получил:

— Деньги нужны.

Четыре невесомых слова повисли у Чай Цзыжаня в ушах. Он удивился, но, вспомнив отношение Мо Цзюцзюня к матери, всё понял. Если уж он ссорится с родительницей, то просить у неё деньги — себе на позор. Чай Цзыжань кивнул с пониманием:

— Уж больно вы, богатые отпрыски, закомплексованные. Что может быть неладного с родной матерью, чтобы до такого доходить?

Чай Цзыжань хорошо знал нрав Мо Цзюцзюня: если уж тот начинал говорить, то вёл беседу до конца. Но на сей раз тот замолчал, уставившись в пустоту пустыми глазами.

Чай Цзыжань лишь мельком на него глянул — и всё внутри встрепенулось. Мигом выкинув из головы историю Мо Цзюцзюня с матерью, он с ухмылкой уставился на приближающегося гостя:

— Господин Жун Лин, воистину, вода течёт — и земля поворачивается.

Жун Лин, озадаченно взглянув на двоих в беседке — чёрного и красного, — услышал за спиной стройный топот солдатских сапог и невольно вздрогнул. Внезапно вспомнились слова Яньжань: «Мо Цзюцзюнь и Чай Цзыжань — друзья с пелёнок», «Мо Цзюцзюнь души не чает в Чай Цзыжане». Делая вид, что ничего, он смахнул с лба испарину и сложил руки в поклоне:

— Кланяюсь господину Цзюцзюню, кланяюсь господину Цзыжаню.

Чай Цзыжань лишь скользнул взглядом по Мо Цзюцзюню, усмехнулся и проигнорировал всех присутствующих. Но Мо Цзюцзюнь не дал ему остаться в стороне. Опустив голову, он отхлебнул горячего чаю и спросил:

— Какую из ран на твоей ноге он нанёс?

Сложенные в поклоне руки Жун Лина одеревенели. Он согнулся ещё ниже, всем существом желая провалиться в щель между белыми каменными плитами, лишь бы эти двое его не видели.

<http://bllate.org/book/15931/1423824>